

Структура семантической зоны модальности в русском языке: моделирование системных отношений между конструкциями (на материале ресурса «Русский конструктикон»)

© 2023

Дарья Дмитриевна Мордашова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; mordashova.d@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу системных отношений между конструкциями с модальным значением в русском языке. В качестве источника данных используется материал ресурса «Русский конструктикон». На основе этого материала предлагается классификация 124 конструкций, выражающих неэпистемические (динамические и деонтические) и эпистемические значения. Классификация опирается на разрабатываемую в недавних работах по грамматике конструкций и конструктикографии таксономию групп конструкций различного объема (в частности, семей, гнезд и сетей конструкций). В семьи мы объединяем модальные конструкции с наиболее близкими семантическими (а в ряде случаев также и морфосинтаксическими) характеристиками. Семьи формируют более крупные объединения модальных конструкций (гнезда и сети), построенные по принципу радиальной категории, включающей более прототипические и более периферийные группы. В статье показано, что в ряде случаев этой методологии оказывается недостаточно и более когнитивно оправданным является обращение к аппарату скалярных структур, не предполагающих наличия какого-то одного центрального элемента (в случае модальных конструкций с эпистемическим значением). Классификация дополняется установлением концептуальных связей между семьями конструкций, как то: семантический переход от общего к частному или наоборот (спецификация vs. обобщение), отношение семантического противопоставления, усиление или ослабление определенного семантического компонента (интенсификация vs. снижение категоричности), дополнительное выражение определенного эмоционального отношения и др. Статья уточняет сложившееся в русле типологического подхода представление о составе семантической зоны модальности и способах ее кодирования, а также актуальна для конструктикографии, которая занимается выявлением механизмов взаимодействия между языковыми единицами (конструкциями) разных уровней.

Ключевые слова: грамматика конструкций, модальность, русский язык

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00285 (<https://rscf.ru/project/22-18-00285/>). Автор выражает признательность В. А. Плунгяну, А. А. Эндресен и членам исследовательской группы CLEAR Университета Тромсё — Норвежского арктического университета за обстоятельное обсуждение этой работы, а также анонимным рецензентам за ценные замечания и дополнения.

Для цитирования: Мордашова Д. Д. Структура семантической зоны модальности в русском языке: моделирование системных отношений между конструкциями (на материале ресурса «Русский конструктикон»). *Вопросы языкознания*, 2023, 2: 29–55.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.29-55

The structure of the semantic domain of modality in Russian: Modelling systemic relations between constructions (based on the Russian Constructicon)

Daria D. Mordashova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mordashova.d@yandex.ru

Abstract: This paper proposes an analysis of systemic relations between constructions with modal semantics in Russian. Based on the data from the Russian Constructicon resource, I build a classification of 124 constructions expressing root (dynamic and deontic) and epistemic meanings. The classification relies on the taxonomy of constructions, which is being developed in recent studies in Construction Grammar and constructicography. This taxonomy involves groups of constructions of various size (namely, families, clusters, and networks of constructions). A constructional family comprises modal constructions with similar semantic (and often also morphosyntactic) properties. Families form larger units — constructional clusters and networks, which have a radial category structure, where more central and more peripheral members can be identified. This paper pinpoints that some semantic domains are better described in terms of scalar rather than radial structures, and epistemic modal constructions serve as an example of such domain. I establish conceptual links between the families of constructions, such as specification vs. generalization strategies, contrast, intensification vs. attenuation of particular semantic components, etc. The classification proposed in the paper contributes both to typology in that it refines the existing view on the structure of modality and its linguistic expression, and to constructicography, which is concerned with the mechanisms of constructional interaction within the system of a given language.

Keywords: construction grammar, modality, Russian

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-18-00285).

For citation: Mordashova D. D. The structure of the semantic domain of modality in Russian: Modelling systemic relations between constructions (based on the Russian Constructicon). *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 2: 29–55.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.29-55

1. Введение

Настоящая статья посвящена анализу системных отношений между конструкциями с модальным значением в русском языке. Семантическая зона модальности является достаточно проработанной областью в типологии (см. среди прочего [Palmer 1986/2001; van der Auwera, Plungian 1998; Nuyts, van der Auwera (eds.) 2016]) и русистике (см., например, [Виноградов 1975; Бондарко (ред.) 1990; Петрова 2007; Падучева 2016]). Существует также значительный пласт литературы, посвященной формально-семантическому анализу значения модальных глаголов: в этом отношении следует прежде всего отметить работы А. Кратцер [Kratzer 1981; 1991], положившие начало многочисленным дальнейшим исследованиям (см., например, [von Stechow, Iatridou 2008; Portner 2009] и приводимые в этих работах ссылки).

В этой статье семантическая зона модальности рассматривается с позиций когнитивной лингвистики и Грамматики конструкций (см. подробнее раздел 2). В рамках этого направления сложилось несколько возможных подходов к интерпретации модальных значений¹ (см. обзор в [Boogaart, Fortuin 2016]). Одним из наиболее влиятельных среди

¹ В этой статье мы придерживаемся терминологии, которая используется в обзорной статье о модальных значениях [Nuyts 2016], и будем говорить о динамических, деонтических

них является анализ в терминах динамики сил (force dynamics), теоретиком которого выступил Л. Талми [Talmy 1985]. Эта теория предполагает, что значения многих языковых выражений можно описать через противодействие двух сил, одна из которых (Агонист) находится в естественном стремлении либо к покою (бездействию), либо к движению (изменению состояния), а другая (Антагонист) оказывает на первую силовое воздействие. Для модальных глаголов это противодействие нагляднее всего иллюстрируется деонтическими контекстами типа *Мальчик должен сделать домашнее задание*, где *мальчик* выступает Агонистом, стремящимся находиться в «состоянии покоя» (не выполнять задание), а некоторая внешняя сила, не названная эксплицитно (например, его родители или учитель), воздействует на него противоположным образом и принуждает к «движению» (таким образом проводится аналогия с состоянием покоя или движением физических объектов при непосредственной физической каузации). Эта теория впоследствии применялась в работах, посвященных анализу модальных глаголов в европейских языках (см. в числе прочего [Sweetser 1990] об английском, [Winter, Gärdenfors 1995] об английском и шведском, [Achard 1998] о французском и [Boye 2001] о датском), одновременно подвергаясь критике в различных аспектах (подробнее см. [Boye 2005; Portner 2009]).

Значимые идеи для понимания функций модальных глаголов в когнитивной лингвистике были сформулированы в [Langacker 2008], где в качестве ключевых были предложены понятия актуализации (grounding) и субъективности. Первое понятие связано с различными возможностями привязки глагольного выражения (или высказывания в целом) к текущей речевой ситуации (ground) и ее основным элементам (говорящий, адресат, время и место речевой ситуации), причем отдельные грамматические категории (например, время, модальность) выступают в качестве средств подобной привязки (grounding devices). В отечественной русистике этому подходу представляется близким подход В. В. Виноградова, который рассматривал модальность как одну из центральных актуализационных предикативных категорий, связанных с тем, как соотносятся содержание высказывания и действительность с точки зрения говорящего (о категории предикативности и ее компонентах см. [Виноградов 1975: 264–271]). Субъективность, по Р. Лангакеру, позволяет сопоставить модальные выражения различных типов по той степени, в которой для их интерпретации необходимо задействовать элементы речевой ситуации. В частности, эпистемические модальные глаголы признаются при таком подходе более субъективными, поскольку их употребление с необходимостью вводит в рассмотрение точку зрения говорящего и набор знаний, на основе которых он оценивает некоторую пропозицию. В этом смысле пропозиция оказывается сильнее привязана к речевой ситуации, чем в случае модальных выражений другого типа (динамических и деонтических).

Уже этот краткий обзор показывает общую тенденцию предыдущих исследований концентрироваться преимущественно на структуре значения модальных глаголов как самостоятельных единиц. Подход к анализу модальных глаголов с точки зрения контекстов, в которых они употребляются, т. е. конкретных конструкций, начал развиваться в западной традиции относительно недавно (см. [Diewald 2006] о немецких модальных конструкциях, [Voogart 2009] о конструкциях с нидерландским *kunnen* ‘мочь’ и др.). В рамках функционально-когнитивного подхода на материале русского языка было проведено множество исследований конструкций с модальным значением (см. [Булыгина, Шмелев 1993; Fortuin 2005; Летучий 2008; Плунгян 2008; Добровольский, Зализняк

и эпистемических значениях модальных выражений. Динамические и деонтические значения мы будем противопоставлять эпистемическим, используя, за неимением более изящного наименования, ярлык «неэпистемическая», или «корневая модальность» (ср. термин «root modality», используемый в ряде работ [Hofmann 1976; Coates 1983] в качестве обобщающего для динамических и деонтических значений).

2020] и др.). В фокусе внимания в таких работах оказывались, как правило, одна или несколько синонимичных конструкций, между которыми необходимо было установить семантические различия. Зачастую эти различия были настолько тонкими и нетривиальными, что для их выявления требовалось обращение к большим объемам данных (например, к Национальному корпусу русского языка [НКРЯ] или данным параллельных корпусов).

Наше исследование преследует принципиально иную цель: опираясь на предшествующие наработки по отдельным конструкциям и основные положения Грамматики конструкций и конструктикографии, а также используя данные ресурса «Русский конструктикон» (подробнее о нем см. раздел 3), мы предпримем попытку системного анализа структуры модальной семантической зоны в русском языке в целом (в противовес предыдущим точечным исследованиям частных конструкций). Близкие цели ставились отечественными лингвистами, работавшими в русле теории функциональной грамматики. Так, в монографии [Бондарко (ред.) 1990], посвященной исследованию полей темпоральности и модальности на материале русского языка, представление отдельных модальных категорий строится в терминах функционально-семантического поля (ФСП), а модальная зона в целом представляет собой «комплекс ФСП с указанным содержанием» [Там же: 62]. Содержательным наполнением поля служат типовые категориальные (модальные) ситуации — например, ситуации возможности, необходимости, императивные ситуации и др. Недостатком термина «категориальная ситуация» является его неопределенность: выделение таких типовых ситуаций и определение их состава производилось во многом интуитивно.

В настоящей работе мы будем оперировать понятием конструкции (см. раздел 2), которое позволяет предложить стандартизованное описание типовых структур и выстраивать картину их взаимодействия на разных уровнях. Мы покажем, каким образом можно моделировать системные отношения внутри значительных по объему групп конструкций, пользуясь аппаратом радиальных структур, включающих более центральные и более периферийные элементы. Эта работа представляет интерес как для общей теории модальности и сложившегося в ее рамках представления о составе данной семантической зоны, так и для конструктикографии, имеющей дело в том числе с выявлением механизмов взаимодействия между языковыми единицами разных уровней.

Выявление системных связей между конструкциями, согласно [Lyngfelt et al. (eds.) 2018], на настоящий момент остается довольно малоизученной областью, и работ, посвященных анализу групп конструкций и отношений между ними, пока немного. Первые шаги в этом направлении были сделаны в работах [Endresen, Janda 2020; Janda et al. 2020; Mordashova 2021] о структуре частных семантических полей (сетей оценочных, прохибитивных и сравнительных конструкций русского языка). Для сетей конструкций в этих работах предлагается анализ в терминах радиальных структур, и возникает закономерный вопрос о возможности приложения этого анализа к другим семантическим полям. В этой работе мы покажем, в какой мере данный подход приложим к семантической зоне модальности, и дополним его скалярным представлением тех фрагментов исследуемой семантической зоны, для которых радиального представления оказывается недостаточно.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. В разделе 2 представлена теоретическая база исследования: основные положения Грамматики конструкций и конструктикографии как нового направления в рамках этой теории. Затем в разделе 3 описывается источник данных для этого исследования — ресурс «Русский конструктикон». Раздел 4 содержит представление групп модальных конструкций и анализ системных связей между ними в терминах радиальных и скалярных структур. В разделе 5 подводятся итоги исследования и формулируются основные преимущества, которые дает конструктикографический подход к описанию модальности, на фоне предыдущих исследований.

2. Конструкции и конструктикография

В Грамматике конструкций, на которую мы опираемся, конструкция признается центральной единицей языковой структуры (см. [Fillmore et al. 1988; Croft 2001; Goldberg 2006]) и понимается как единство формы и функции, усвоенное человеком в процессе использования языка. В этой статье мы сосредоточимся главным образом на «частично идиоматичных» («partially schematic» в терминологии [Ehrlemaek et al. 2016]) конструкциях, значение которых не предсказывается полностью исходя из их формы. В структуре таких конструкций выделяется фиксированная часть («якорь») и свободная часть («слот»), которая может заполняться языковым материалом с теми или иными семантическими ограничениями. При этом необходимо заметить, что неполная композициональность во многих конструкционистских моделях не является обязательным условием для того, чтобы считать то или иное языковое выражение конструкцией: даже полностью семантически предсказуемое сочетание может храниться в лексиконе в «готовом» виде, если оно является достаточно частотным (см. [Tomasello 2003; Diessel 2004], а также обсуждение подхода А. Голдберга далее). По [Hilpert 2014], наличие некомпозициональной семантики является лишь одним из возможных критериев для отнесения языкового выражения к числу конструкций. Выбор частично идиоматичных конструкций для системного анализа в этой статье связан с привлечением данных ресурса «Русский конструктикон», для которого конструкции этого типа являются стратегически приоритетными (см. раздел 3; о некоторых отклонениях от принципа некомпозициональности см. раздел 4.1).

Один из важнейших постулатов Грамматики конструкций сформулирован в [Goldberg 2006: 18] как «it's constructions all the way down»: предполагается, что конструкциями пронизаны все уровни языка (от морфемы до целого высказывания), а совокупность наших знаний об устройстве языка определяется знанием об устройстве сети конструкций. Такая сеть (или множество сетей) иерархически организованных и взаимосвязанных единиц получила название «**конструктикон**» [Fillmore 2008; Fillmore et al. 2012]. Вскоре у этого термина появилось и прикладное понимание, связанное с описанием системы конструкций некоторого языка. Развитие этого прикладного аспекта было связано с именем Ч. Филлмора, который возглавил команду по разработке первого конструктикона для английского языка. После этого конструктиконы начали создаваться и для других языков, в частности для немецкого, шведского, бразильского португальского, японского и русского, и эта работа привела к формированию нового направления в рамках Грамматики конструкций — **конструктикографии** (см. обзор основных достижений этого направления в [Lyngfelt et al. (eds.) 2018]). С одной стороны, перед конструктикографами стоит задача инвентаризации и описания конструкций, что сближает их работу с работой лексикографов. С другой стороны, важной задачей для конструктикографов является переход от списочного представления собранных конструкций к системному, к построению в конечном итоге иерархически устроенной системы конструкций. Близкая задача решается разработчиками словарей-тезаурусов и тематических семантических словарей, однако конструктикографы имеют дело с принципиально отличной языковой единицей — конструкцией, а не отдельной лексемой.

В настоящей статье будет предложено системное представление конструкций с модальным значением в русском языке, опирающееся на методологию выявления взаимосвязанных групп конструкций, апробированную для конструкций с оценочной семантикой (см. [Endresen, Janda 2020]). Эта методология основывается на выделении групп конструкций разного объема, которые выстраиваются в таксономическое единство; такие группы получили название **семей**, **гнезд** и **сетей** конструкций.

Под **семьей** понимается относительно небольшая группа (обычно от двух до девяти) конструкций, которые объединены в первую очередь по семантическому принципу (конструкции в пределах одной семьи часто оказываются синонимичными). В ряде случаев

семантическая близость подкрепляется синтаксическим и/или структурным сходством (к структурным характеристикам мы относим, например, редупликацию или инверсию), а также использованием одних и тех же или деривационно близких якорных слов. Таким образом, для включения в семью не требуется полного совпадения семантико-синтаксических характеристик всех ее членов, достаточно наличия частичных пересечений между ними (ср. принцип семейного сходства). Это позволяет выделять наиболее прототипических представителей семьи, имеющих более полный набор характеристик, и более периферийных ее членов².

Конструкции внутри семьи могут быть связаны по принципу наследования признаков, когда более конкретная, «дочерняя» конструкция рассматривается как частный случай более абстрактной схемы, которую формирует «материнская» конструкция. Однако, как уже было сказано выше, в силу специфики отбора конструкций, включенных в используемый нами ресурс «Русский конструктикон», где предпочтение отдается частично идиоматичным конструкциям, количество конструкций, представляющих абстрактные схемы, невелико. Исключение составляют случаи, когда в качестве отдельной конструкции выступает высокочастотная (и потому стратегически важная для целевой аудитории ресурса, см. подробнее раздел 3) реализация наравне с ее обобщенной «материнской» конструкцией: ср. **NP-Gen.PI NumCrd** — *На лекцию пришли человек двадцать и рублей NumCrd* — *У Маши было рублей сто на книги*³. Гораздо чаще между конструкциями в пределах семьи устанавливаются горизонтальные связи, предполагающие наличие общих характеристик без обязательного происхождения от общего «предка».

Примером такой семьи конструкций с горизонтальными связями между ее членами может служить объединение конструкций со значением «континуативного прохибитива», который обозначает прекращение уже начавшегося действия (см. [Рахилина 2013]). В эту семью попадают конструкции вида **будет PronPers-2.Dat (VP-IPfv.Inf)!** — *Будет тебе врать!*, **хорош VP-IPfv.Inf!** — *Хорош прыгать!* и **хватит (PronPers-2.Dat) VP-IPfv.Inf!** — *Хватит ругаться!* Теоретически возможно привести упомянутые конструкции к одной абстрактной схеме, предполагающей наличие предикативного элемента (*будет, хорош, хватит*), дативного участника (как правило, адресата) и глагола несовершенного вида в форме инфинитива, обозначающего деятельность, которую говорящий побуждает собеседника прекратить. Однако такая схема не позволяет учесть нюансы структуры отдельных конструкций (например, невозможность выражения дативного участника для **хорош VP-IPfv.Inf!** или, напротив, его обязательное выражение для **будет PronPers-2.Dat (VP-IPfv.Inf)!**), а также особенности самого предикативного элемента, грамматикализованного из разных источников и в неодинаковой степени (ср. краткое прилагательное в форме мужского рода *хорош*, краткую форму среднего рода прилагательного *полный* в еще не упомянутой нами конструкции той же семьи **полно PronPers-2.Dat VP-IPfv.Inf!** — *Полно тебе плакать!* или элементы глагольного происхождения *будет* и *хватит*). Более информативным в этом случае является представление членов этой семьи с помощью частных конструкций, а не единой абстрактной схемы (см. подробнее [Endresen et al., to appear]).

Семьи конструкций объединяются в **гнезда** (в отдельных, хотя и редких, случаях гнездо может состоять только из одной семьи), которые обычно организованы по принципу радиальной категории (см. [Lakoff 1987; Lewandowska-Tomaszczyk 2007]). Это означает, что

² На основании общности синтаксических и/или структурных свойств возможно включение конструкций с почти идентичной семантикой в разные семьи, что позволяет фиксировать различные стратегии кодирования одного и того же значения в языке.

³ Имя конструкции (выделено жирным шрифтом) в «Русском конструктиконе» записывается по определенным правилам, см. разделы 2 «Сокращения и символы» и 3 «Правила записи имени конструкции» на сайте ресурса: <https://constructicon.github.io/russian/instructions-russian/#2-sokrasheniia-i-simvoliy>.

в гнезде можно выделить одну или несколько центральных семей, являющихся наиболее прототипическими для этого объединения, тогда как остальные семьи в той или иной степени отдалены от центра и выражают более частные нюансы значения или требуют более специфического контекста. Между семьями конструкций устанавливаются различного рода семантические и/или прагматические связи: семантический переход от общего к частному или наоборот (спецификация vs. обобщение), отношение семантического противопоставления, усиление или ослабление определенного семантического компонента (интенсификация vs. снижение категоричности), дополнительное выражение определенного эмоционального отношения и др. Конкретные примеры на перечисленные типы связей будут приведены в Разделе 4 в связи с обсуждением модальных конструкций.

Наиболее крупной единицей в таксономии является **сеть**, которая представляет собой структурированное объединение гнезд конструкций и характеризуется некоторым общим значением (например, «Сравнение», «Оценка», «Прохибитив» и т. д.). Нулевой гипотезой относительно структуры сети, как и в случае гнезда, служит устройство по принципу радиальной категории, т. е. в форме соотношения центра и периферии. В этой статье мы покажем, что сеть может иметь и скалярную природу, затрудняющую выделение наиболее центрального элемента (ср. эпистемические модальные конструкции в разделе 4.2 далее).

Прежде чем перейти к приложению заявленной таксономии к конструкциям внутри семантической зоны модальности, остановимся более подробно на источнике данных — ресурсе «Русский конструктор».

3. Источник данных — ресурс «Русский конструктор»

Опираясь на процитированное выше высказывание А. Голдберга «it's constructions all the way down», можно утверждать, что число конструкций в языке представляет собой открытое множество. Это составляет очевидную проблему для описания структуры любой семантической зоны, поскольку такое описание потенциально может быть дополнено неограниченным рядом данных (если выполняется условие отсутствия конфликта между сопоставляемыми конструкциями, см. [Goldberg 2006: 22]). В текущем исследовании необходимо было очертить первоначальный круг единиц для анализа, и мы приняли решение в качестве отправной точки задействовать данные «Русского конструктора» (далее — РК) — открытого электронного ресурса, содержащего неоднословные грамматические конструкции русского языка (см. [Bast et al. 2021]). Ресурс к настоящему моменту включает более 2200 конструкций и продолжает пополняться, поэтому предлагаемая в настоящей статье классификация модальных конструкций в дальнейшем может быть дополнена и скорректирована. Впрочем, достаточно большой объем проанализированного материала (см. раздел 4) позволяет предположить, что существенных изменений в получившуюся структуру вносить уже не потребуется.

Целевой аудиторией РК являются как лингвисты-исследователи, так и студенты, изучающие русский язык как иностранный, часто испытывающие трудности при интерпретации конструкций с некомпозиционным значением. Например, значение конструкции **NP-Nom Cop здоров VP-Inf** — *Он здоров врать*⁴ не выводится из значения краткой формы прилагательного *здоровый* самого по себе, а возникает исключительно в комбинации с инфинитивом зависимого глагола. Подобные конструкции являются для РК стратегически

⁴ Ср. толкование конструкции на сайте РК: «Конструкция характеризует некоторого участника как ловкого, искусного, неумолимого в определенной деятельности. Способности участника оцениваются высоко и положительно, даже если сам род деятельности может оцениваться иначе. Слово “здоров” используется здесь только в краткой форме. Слот VP-Inf чаще заполняется глаголами несовершенного вида, но встречается и совершенный вид».

приоритетными, поскольку многие из них не упоминаются в толковых или фразеологических словарях (см. об этой проблеме [Janda et al. 2018]).

Каждая конструкция сопровождается подробным описанием, которое включает толкование, набор специальных помет (семантических, синтаксических и стилистических), а также примеры, основанные на данных Национального корпуса русского языка или поисковой системы Google (для более разговорных конструкций, обладающих низкой частотностью в корпусе). Детальное описание ресурса представлено в [Эндресен и др. 2020], в приведенной работе также дается пример заполнения профиля конструкции и всех релевантных полей в нем.

Для целей систематизации инвентаря конструкций, собранных в ресурсе, и перехода от списочного представления к системному важнейшую роль играет семантическая классификация конструкций, на которой мы остановимся более подробно. Эта классификация производилась во многом с опорой на существующие типологические исследования грамматических категорий: многие из тех значений (семантических типов), которые были изначально определены для конструкций, включенных в состав РК, имеют тенденцию к кодированию грамматическими показателями в языках мира. Например, семантический тип «Опасение» (Apprehension), обозначающий опасение или предостережение о некоторой нежелательной ситуации, в языках мира может выражаться формой особого наклонения (см. [Добрушина 2006]). В русском языке это значение не имеет специализированного грамматического показателя и кодируется конструкциями типа ((Я) боюсь,) **как бы не VP-Pfv.Pst** — *Как бы Миша не опоздал!* или **смотреть-1mp, (не) VP-1mp** — *Смотрите, не опоздайте!* Получившаяся классификация во многом пересекается с «универсальным грамматическим набором» (см. [Плунгян 2011: 65]), хотя и не ограничивается им: так, за пределы этого набора выходят обширные группы конструкций, отнесенных к семантическому типу «Значимый признак» (Salient property) и «Реакция на предшествующий дискурс» (Reaction to the previous discourse).

Разработанная классификация является многоуровневой: основной уровень включает 55 семантических типов, большинство из которых имеют подтипы (всего 182 подтипа). Семантические типы являются более общими характеристиками конструкций, тогда как их подтипы служат для уточнения значения. Например, семантический тип «Адресат» (Addressee) имеет следующие подтипы: 1) «Собственно адресат» (Core addressee): **NP в адрес NP-Gen** — *Редкая рецензия на Кустурицу обходится без дифирамбов в адрес Бреговича*; 2) «Аудитория» (Audience): **NP/VP перед NP-Ins** — *Он умел говорить перед большой публикой*; 3) «Бенефициант» (Beneficiary): **NP/VP в угодю NP-Dat** — *Он сказал это в угодю начальству*; 4) «Малефициант» (Maleficiary): **VP назло NP-Dat** — *Назло мужу она обрезала свои длинные волосы*.

Одна и та же конструкция может принадлежать сразу к нескольким семантическим типам. Так, конструкция **VP не в пример Adj-Cmp/Adv-Cmp** — *Он выглядел не в пример приятнее* относится к двум семантическим типам: «Сравнение» (Comparison), подтип «Несходство» (Inequality), и «Степень интенсивности» (Degree of intensity), подтип «Высокая степень» (Booster). Присваивание конструкциям в РК семантических и синтаксических типов (тегов) производилось в ходе совместной работы команды из трех аннотаторов, каждый из которых является носителем русского языка и имеет лингвистическое образование. При добавлении в базу данных новых конструкций существующая аннотация неоднократно перепроверялась и уточнялась (подробнее о разметке данных и разработке ресурса см. [Janda et al. 2020]). Проведение регулярных коллективных обсуждений позволило избежать субъективности анализа отдельных конструкций, а также способствовало последовательности в выборе того или иного тега.

Над семантическими типами формируется отдельный уровень более крупных таксономических единиц, обозначенных как классы. Таких классов выделяется пять: 1) «Квалиа»; 2) «Модальность и смежные категории»; 3) «Субъективность»; 4) «Дискурс» и 5) «Параметры»; некоторые из них дополнительно разделены на подклассы (так, класс «Дискурс»

включает два подкласса: «Маркеры организации дискурса» и «Клаузуальные конструкции с дискурсивной функцией»). Подробное обсуждение семантической классификации выходит за рамки настоящей статьи; характеристика семантических типов конструкций содержится на сайте ресурса в разделе «Инструкции»⁵.

Семантические типы и подтипы в системе разметки, которая используется в РК, во многом соответствуют сетям и гнездам конструкций в выработанной конструктикографической таксономии (см. раздел 2). В следующем разделе, на основании имеющейся семантической классификации, мы представим результат нашего распределения модальных конструкций по более частным группировкам (семьям), основанным на общих семантических, синтаксических и/или прагматических характеристиках, а также установим концептуальные связи между выделенными семьями.

4. Классификация модальных конструкций и моделирование системных связей

Класс «Модальность и смежные категории» насчитывает 374 конструкции, которые распадаются на два подкласса: «Центральные модальные значения» (124 конструкции⁶) и «Смежные с модальностью категории» (250 конструкций). Общая структура класса приведена на рис. 1 (с. 38).

В скобках дается количество конструкций каждого типа (подтипа). Знак * означает, что одна из конструкций входит в два семантических подтипа. Большая рамка, подсвеченная красным цветом, показывает границы подкласса «Центральные модальные значения». В голубых рамках даны семантические типы, они соединены стрелками с подтипами. Сплошной линией соединены семантические типы, имеющие смежный семантический компонент⁷. Зеленым цветом подсвечены те семантические типы конструкций, которые, наравне с классом «Модальность и смежные категории», относятся и к другому семантическому классу⁸.

Далее мы сосредоточимся на подклассе «Центральные модальные значения», поскольку он формирует ядро категории модальности, тогда как прочие значения примыкают к ядру как содержащие более или менее выделенный модальный компонент (детальное обсуждение структуры этого класса и связей между входящими в него семантическими типами конструкций выходит за рамки настоящей статьи, см. об этом [Janda et al., to appear]). Дальнейшее изложение будет строиться вокруг двух семантических типов: «Неэпистемическая («корневая») модальность» (Root modality) и «Эпистемическая модальность» (Epistemic modality).

В определении модальности мы следуем традиционному подходу, в соответствии с которым модальность понимается узко — как категория, включающая только значения возможности и необходимости (см. [van der Auwera, Plungian 1998; Nuyts 2016]). При этом

⁵ С содержанием этого раздела можно ознакомиться по ссылке: <https://constructicon.github.io/russian/semantic-types-russian/#semantic-types-semantic-tipy-konstruktsii>.

⁶ Суммарное значение для типов ««Корневая» модальность» и «Эпистемическая модальность» на Рис. 1 равно 125, однако реально конструкций на одну меньше, поскольку одна из них относится к обоим семантическим типам, подробнее см. раздел 4.1.

⁷ Например, тип «Опасение» связан с выражением опасения по поводу некоторой нежелательной ситуации, которую говорящий считает вероятной и хочет избежать; отсюда связь с типами «Волитивность» и «Эпистемическая модальность».

⁸ Например, тип «Реализованная возможность» находится на пересечении категорий аспектуальности и модальности, поскольку входящие в него конструкции кодируют не потенциально возможное действие, а его успешную реализацию, ср. **NP-Dat удалось VP-Inf** — *Мини удалось покурить*.

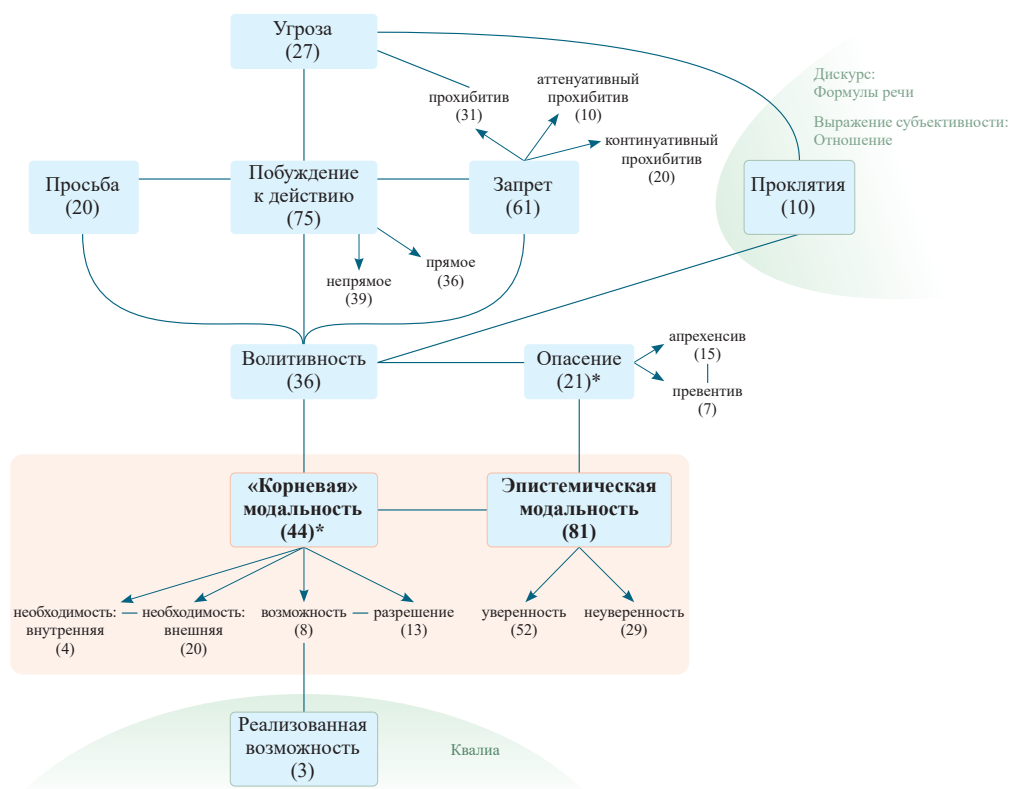

Рис. 1. Семантический класс «Модальность и смежные категории»

подразумевается противопоставление необходимости и возможности как в ирреальной сфере (когда некоторое положение дел, еще не имеющее места в действительности, оценивается говорящим как возможное или необходимое), так и в сфере эпистемической оценки (когда некоторая ситуация описывается говорящим с точки зрения близости к реальности: более вероятная ситуация подразумевает эпистемическую необходимость, а менее вероятная — лишь возможность).

Семантический тип «Root modality» в РК содержит четыре подтипа⁹:

- «Возможность» (Possibility) — указание на динамическую возможность, под которой понимается как внутренняя возможность (способность), обусловленная свойствами самого участника (его физическими качествами, умениями), так и внешняя возможность, обусловленная отсутствием препятствий для осуществления ситуации: напр., **(NP-Dat) Cop можно VP-Inf** — *До Москвы из Лондона можно долететь за четыре часа*.
- «Разрешение» (Permission) — указание на деонтическую возможность, т. е. разрешение на осуществление ситуации или запрос на таковое со стороны говорящего: **NP-Nom не Cop против, если VP-Fut?** — *Ты не против, если я зайду в магазин?*

⁹ Для названий семантических подтипов внутри типа «Root modality» в РК не используется устоявшаяся в лингвистике терминология, согласно которой неэпистемические модальные значения делятся на динамические и деонтические (ср. обзор в [Nuys 2016]), поскольку эти термины могут быть не вполне прозрачны для пользователя. В статье мы следуем этому терминологическому разграничению содержательно.

- «Необходимость: внутренняя» (Necessity: Internal)¹⁰ — указание на динамическую необходимость, обусловленную потребностями и свойствами (напр., чертами характера) участника или свойствами внешнего мира: напр., **(NP-Dat) Cop необходимо VP-Inf** — *Тебе необходимо прочитать эту книгу.*
- «Необходимость: внешняя» (Necessity: External) — указание на деонтическую необходимость, обусловленную наличием определенных норм (социальных, юридических, этических), определяющих поведение участника: напр., **(NP-Dat) надлежит/надлежало VP-Inf** — *Комитету сразу надлежит внести оплату услуг.*

Эпистемическая модальность подразумевает оценку вероятности некоторого положения дел (см. [Nuyts 2016: 38]) и указывает на степень уверенности (как правило, говорящего) в сообщаемой информации (см. [Boye 2016: 117]). Эпистемическая модальность, таким образом, не содержит специфического ирреального компонента значения, который свойственен «корневой» модальности. В рамках этого семантического типа друг другу противопоставлены два подтипа:

- «Уверенность» (High degree of certainty) — указание на высокую степень уверенности в сообщаемом: ситуация оценивается как вероятная или очень вероятная: напр., **бьюсь об заклад, (что) CI** — *Бьюсь об заклад, что вы проиграете.*
- «Неуверенность» (Low degree of certainty) — указание на низкую степень уверенности в сообщаемом: ситуация оценивается как маловероятная: напр., **не факт, что CI** — *Не факт, что это удачный эксперимент.*

В этом месте необходимо сделать ремарку, касающуюся понятия эвиденциальности и его связи с эпистемической модальностью. Как известно, в подходах разных исследователей эвиденциальность может включаться в разные области поля модальности или вовсе исключаться из него. Так, [Bybee 1985; Palmer 1986] объявляют эвиденциальность подтипом эпистемической модальности, а [Hengeveld 1989] объединяет эвиденциальность и эпистемическую модальность под общим ярлыком «эпистемологической модальности» (ср. также «пропозициональную модальность» в [Palmer 2001]). В то же время во многих работах (см. [Anderson 1986; Bybee et al. 1994; Aikhenvald 2004; de Haan 2006]) эвиденциальные показатели полностью исключаются из числа модальных. В [Храковский 2007: 617] эпистемическая модальность и эвиденциальность также трактуются как два независимых семантических признака. Компромиссное решение принимается в [van der Auwera, Plungian 1998], где показатели инферентива (логического вывода) рассматриваются в числе модальных со значением эпистемической оценки, тогда как прочие эвиденциальные маркеры (например, репортатив) не входят в зону модальности; в настоящей работе мы следуем этому подходу.

Имея в качестве точки отсчета распределение конструкций по перечисленным семантическим типам и подтипам (т. е., фактически, списки конструкций), мы переходим к результатам анализа этого распределения, который предполагал: 1) выявление групп конструкций с наиболее близкими семантическими (а в ряде случаев также и морфосинтаксическими) характеристиками, т. е. семей; 2) построение гнезд конструкций по принципу радиальной категории (определение прототипической семьи конструкций и установление системных связей между прототипом и остальными семьями) или модификацию этой методологии в случае, когда выделение прототипа оказывалось затруднительно. Результаты этого анализа представлены в разделах 4.1 и 4.2 в формате перечисления выделенных семей

¹⁰ Ярлык «внутренняя необходимость» во многом является условностью, поскольку не обнаруживается конструкций, которые бы кодировали исключительно необходимость, обусловленную внутренними свойствами участника. Важно, однако, противопоставить конструкции этого типа конструкциям, которые принадлежат к типу «внешней» (деонтической) необходимости и не имеют употреблений в зоне динамической модальности.

с примерами и краткой характеристикой, а также визуализации гнезда с помощью схемы, представляющей полученную радиальную (или скалярную) структуру. Полная характеристика конструкций и их группировка по семьям осуществлена автором настоящей работы для РК и доступна на сайте ресурса: <https://constructicon.github.io/russian/> (поиск конструкции возможен по любому элементу ее имени или иллюстрации).

4.1. Сеть конструкций со значением неэпистемической («корневой») модальности

Начнем рассмотрение ядра зоны модальности с гнезда «Возможность» (Possibility). В составе РК к этому семантическому типу относится восемь конструкций, которые мы разделили на три небольшие семьи (одна из конструкций входит одновременно в две семьи):

- 1а. «Внутренняя (физическая) возможность»¹¹ (две конструкции), предполагающая наличие у участника ситуации определенных физических качеств, способностей или умений для выполнения действия: **NP-Nom мочь VP-Inf** — *Вася может подобрать любую мелодию на слух*¹². Наряду с глаголом *мочь*, в семью входит конструкция с модальным глаголом *уметь*: **NP-Nom уметь VP-Inf** — *Я умею плавать*.
- 1б. «Внешняя возможность» (три конструкции), предполагающая, что для выполнения действия существуют подходящие условия (внешние, т. е. не зависящие от участника ситуации): (**NP-Dat**) **Ср можно VP-Inf** — *До Москвы из Лондона можно долететь за четыре часа*.
- 1с. «Невозможность и/или запрет» (четыре конструкции), предполагающая, что выполнение действия находится под запретом или невозможно по объективным причинам. В эту семью входят различные варианты конструкций с якорным сочетанием *и речи быть не может/могло*: **о NP-Loc (тут/здесь/сейчас) и речи быть не может/могло** — *О присутствии адвоката и речи быть не может*, а также конструкция с предикативом *нельзя*.

Для этого гнезда нами предложена структура, представленная на рис. 2. Семья 1а представляется центральной в этом гнезде, поскольку она в большей степени ориентирована на участника, который всегда имеет стандартное номинативное оформление (ср. возможность дативного оформления субъекта в 1б), а в роли якорей в конструкциях этой семьи выступают модальные глаголы с полноценной словоизменительной парадигмой. В данном случае необходимо отметить, что, в соответствии с подходом [Goldberg 2006], сочетание инфинитива с модальным глаголом или предикативом признается полноправной конструкцией, несмотря на отсутствие некомпозициональной семантики у такого сочетания. Эти конструкции включены в РК, поскольку являются стандартным для русского языка способом выражения модального значения возможности. Более того, модель управления модального предиката в подобных случаях является параметром типологического варьирования (ср., например, горномарийский язык, в котором предикаты со значением ‘мочь’ и ‘уметь’ требуют при себе зависимого в форме деепричастия).

¹¹ Здесь и далее в кавычках приводятся наименования, предложенные нами для выявленных семей конструкций. Семьи конструкций внутри одного гнезда обозначаются латинскими буквами (a, b, c и т. д.). Слово *семья* перед названием в кавычках опускается для экономии места, но дальнейшее согласование идет по женскому роду.

¹² Глагол *мочь* обладает широкой полисемией, поэтому конструкция **NP-Nom мочь VP-Inf** входит одновременно в несколько семей: в семью 1б «Внешняя возможность» гнезда «Возможность», семью 2а гнезда «Разрешение» и в семью 6а гнезда «Неуверенность», подробнее об этих гнездах конструкций см. ниже.

Будучи семантически ориентированной на внешние обстоятельства, семья 1b противопоставлена 1a; в дополнение к полисемичному глаголу *мочь*, в качестве якорного слова в этой семье может выступать модальный предикатив *можно*. Семья 1с (конструкции которой, как правило, не отмечаются среди средств выражения возможности, поскольку внимание в литературе обычно сосредоточено на «базовых» способах выражения модальности, например модальных глаголах, ср. [Падучева 2016]) связана с обеими семьями, но на разных основаниях. С одной стороны, в большинстве конструкций этой семьи участвует глагол *мочь*, также входящий в состав конструкций семей 1a–b, однако семантически она противопоставлена скорее семье 1b, поскольку речь в ней идет о «внешней невозможности» (или запрете со стороны говорящего, который также можно интерпретировать как невозможность по внешним для предполагаемого актора причинам). Одновременно семья 1с относится к другому семантическому типу — «Запрет» (Prohibition) (см. рис. 1) — и, таким образом, служит связующим звеном между гнездами конструкций со значением возможности и прохибитивных конструкций. Дальнейшее обсуждение связей между семьями конструкций за пределами класса «Центральные модальные значения» выходит за рамки настоящей статьи.

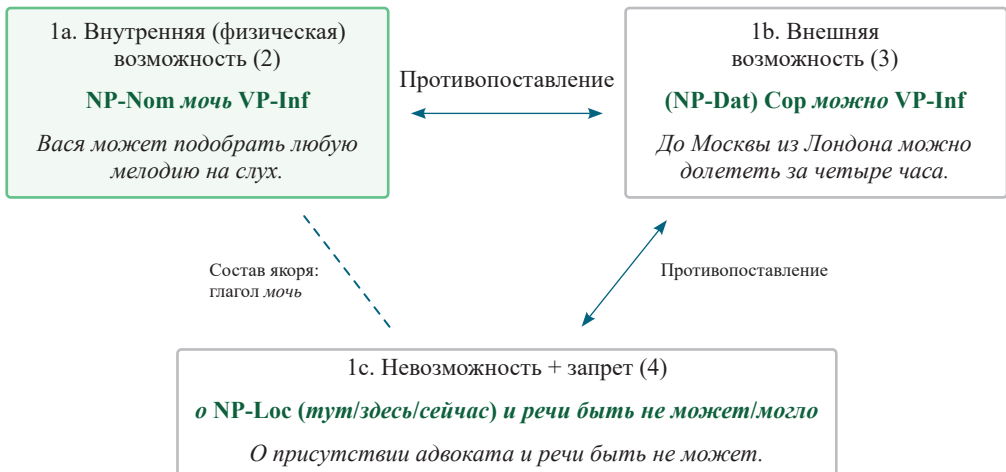

Рис. 2. Гнездо «Возможность»¹³

Анализ гнезда «Возможность» демонстрирует, что между выделяемыми семьями может обнаруживаться значительное пересечение: в данном случае это связано с широкой полисемией глагола *мочь*, который входит в состав конструкций каждой из выделенных семей, а также в состав некоторых гнезд конструкций, речь о которых пойдет далее. Для подобных полисемичных показателей лексикографическое описание и подход с точки зрения конструкций дают сходные результаты.

Непосредственно связанным со значением возможности является семантика разрешения, которое может рассматриваться как подтип внешней возможности (ср. подход в [van der Auwera, Plungian 1998]). В РК этому значению отводится отдельный семантический тип «Permission» (Разрешение). В гнезде «Разрешение», включающем 13 конструкций, мы выделили четыре семьи:

¹³ Здесь и далее на рисунках в зеленую рамку заключается наиболее прототипическая для данного гнезда семья конструкций. Стрелками обозначаются семантические и/или прагматические связи между семьями, а линиями — структурные сходства между ними. Пунктирными стрелками или линиями отмечаются более слабые семантические и структурные пересечения, т. е. общие черты, характерные лишь для части конструкций в двух семьях.

- 2а. «Универсальное разрешение» (две конструкции). Конструкции этой семьи покрывают и ситуацию предоставления разрешения, и ситуацию запроса на разрешение у собеседника: **(NP-Dat) Cop можно VP-Inf** — *Можно мне открыть окно?* (ср. также пример из профиля этой конструкции на сайте РК: *Практически все дети были лояльны к «компьютерной политике» своих родителей: «Да, нормально, я всегда знаю, когда мне можно (= разрешено) будет поиграть»*¹⁴).
- 2б. «Запрос на разрешение» (три конструкции), который формулируется в виде (часто вопросительного) предложения с условным придаточным: **не страшно/ничего, если CI?** — *Не страшно, если я закурю?*
- 2с. «Предоставление разрешения» (пять конструкций), довольно гетерогенная в плане синтаксического оформления семья (условные предложения, предложные группы, вводные конструкции): **если NP-Dat Cop угодно, CI** — *Если вам угодно, называйте меня Генрихом.*
- 2д. «Предоставление разрешения с полной свободой действий» (три конструкции), включающая конструкции с квантификаторами со значением свободного выбора (*сколько угодно, сколько хочешь, сколько влезет*): **VP-Infv/NP-Gen сколько хочешь** — *Читай сколько хочешь.*

Структура гнезда «Разрешение» показана на рис. 3. Можно видеть, что семья 2а занимает в нем центральное положение, объединяя в себе и предоставление разрешения, и запрос на него. Понимание деонтической возможности в типологических работах, как правило, связано именно с первой опцией, т. е. с предоставлением разрешения. Однако для этой семантической зоны представляется значимым исследовать также набор средств, обслуживающих обратную ситуацию (запрос на разрешение). По данным РК можно сделать предварительный вывод о том, что в русском языке центральным якорным элементом в конструкциях этого типа является условный союз *если*, взаимодействующий с предикатами, выражающими отношение собеседника (*не страшно, не против*) или глаголами с каузативной семантикой (*позволить*). Семья 2б и группа семей 2с–д связаны с 2а отношением спецификации (с фокусом только на одну из опций: предоставление разрешения или запрос на него). Семья 2д, в отличие от 2с, часто имеет дополнительную прагматическую нагрузку и выражает индифферентность со стороны того, кто предоставляет разрешение (ср. *На вот, твои сигареты. Можешь курить сколько влезет*¹⁵). Некоторые конструкции в семьях 2б–с имеют сходное морфосинтаксическое оформление с помощью условных предложений с союзами *если* или *раз*.

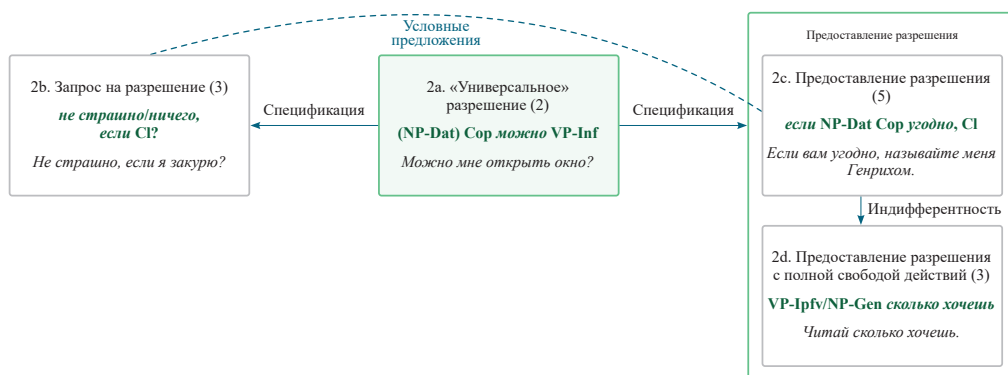

Рис. 3. Гнездо «Разрешение»

¹⁴ Пример из НКРЯ, источник: Катерина Мурашова. Контролировать или пустить на самотек? О результатах одного эксперимента // «Сноб», 2017.

¹⁵ Пример из НКРЯ, источник: Андрей Геласимов. Рахиль // «Октябрь», 2003.

Модальному значению возможности естественным образом противопоставляется значение необходимости, которое также имеет динамическое и деонтическое измерения (обозначаемые в РК как внутренняя и внешняя необходимость; см. рис. 4). Динамическая необходимость в РК представлена семьей из четырех конструкций (в данном случае эта же семья составляет гнездо), включающей модальные предикативы *надо*, *нужно*, *необходимо* ((NP-Dat) *Соп надо/нужно VP-Inf* — *Мне нужно бежать, извините*), а также родственные им прилагательные ((NP-Dat) *Соп нужный-Short/необходимый-Short NP-Nom* — *Мне нужна ваша поддержка*). Конструкции этой семьи в РК принадлежат к семантическому типу «Необходимость: внутренняя» (Necessity: Internal), что во многом является условностью, поскольку эти конструкции употребительны в контекстах как внутренней, так и внешней необходимости в классификации [van der Auwera, Plungian 1998] (ср. *Пете надо выпить кофе, чтобы нормально работать* vs. *Маше надо выйти в 7 часов утра, чтобы не опоздать на работу*). Важнейшей характеристикой конструкций этой семьи является наличие эксплицитно заданной или подразумеваемой цели субъекта (ср. толкование конструкций такого типа, предложенное в [Кобозева, Лауфер 1991]). Деонтические употребления (например, в контексте следования законам или социальным предписаниям) для *надо* или *нужно* в целом менее характерны, ср. *Граждане должны платить налоги* vs. *Гражданам надо / нужно платить налоги*. Абсолютно грамматичными же являются употребления этих модальных предикативов в контексте этических норм, связанных с выполнением морального долга и личными убеждениями говорящего о правильном поведении (ср. *Надо бороться за свою мечту*). Субъект в таком случае имеет родовой или универсальный референциальный статус, поэтому часто не выражается эксплицитно.

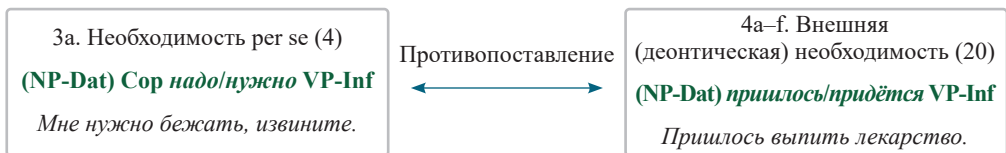

Рис. 4. Гнезда «Необходимость: внутренняя» и «Необходимость: внешняя»

Для 20 конструкций гнезда «Необходимость: внешняя» семантический сдвиг в сторону внутренней необходимости сильно затруднен. В рамках этого гнезда мы выделили шесть семей конструкций:

- 4а. «Обязанность per se (безличные конструкции)» (пять конструкций), включающая конструкции с безличными модальными глаголами, не предполагающие субъектного согласования: (NP-Dat) *пришлось/придется VP-Inf* — *Пришлось выпить лекарство*.
- 4б. «Обязанность per se» (три конструкции), включающая конструкции с краткими прилагательными (*должен*, *обязан*, *вынужден*) и глаголами (*обязываться*), которые согласуются с субъектом: NP-Nom *Соп вынужденный-Short VP-Inf* — *Я был вынужден подчиниться*.
- 4с. «Обязанность как рекомендация» (три конструкции), включающая глаголы с ослабленным первичным значением: (NP-Dat) *стоит VP-Inf* — *Мите стоит научиться готовить*.
- 4д. «Своевременность» (две конструкции), где в состав якоря входит предикатив *пора*, интерпретируемый как средство выражения необходимости: а (NP-Dat) *не пора (ли) Соп VP-Inf?* — *А тебе не пора ли спать?*; (NP-Dat) *давно пора Соп VP-Inf* — *Детям давно пора поесть*.
- 4е. «Отсутствие выбора» (три конструкции), семантически объединенные тем, что необходимость в них интерпретируется как единственно возможный способ поведения.

Все конструкции этой семьи содержат двойное отрицание: **(NP-Dat) нельзя Cop не VP-Inf** — *Нельзя было не согласиться с ним тогда*.

- 4f. «Обязанность при противопоставлении» (четыре конструкции) — наиболее гетерогенная в синтаксическом отношении семья, слоты для глагольной группы в которой заполняются формами императива и инфинитива в своем нестандартном употреблении, ср.: **Cl, a NP-Nom (опять) VP-Ipfv.Imp!** — *Он ушёл домой, а я опять переделывай всё после него!* или **Cl, a VP-Ipfv.Inf NP-Dat!** — *Вы гостей позвали, а принимать их мне!* Конструкции этой семьи семантически объединены наличием явного или имплицитного противопоставления деятельности говорящего и его собеседника (или разных видов деятельности самого говорящего, ср. пример *Заболтался я, а мне еще петь* для конструкции **NP-Dat (ещё) Cop VP-Inf**¹⁶).

Семьи 4a–b являются прототипическими представителями своего гнезда и выражают деонтическую необходимость — необходимость поступать в соответствии с определенными правилами, нормами или под давлением внешних обстоятельств (см. рис. 5). Семьи 4c–d и 4e занимают позиции по разные стороны от «центра»: если в 4c–d необходимость выражается в мягкой рекомендательной форме, то 4e предполагает интенсификацию этого семантического компонента до такой степени, что возможность реализации альтернативных сценариев ситуации сводится на нет. Конструкции семьи 4f содержат более частные случаи реализации значения необходимости, возникающего в контексте явного или имплицитного контраста.

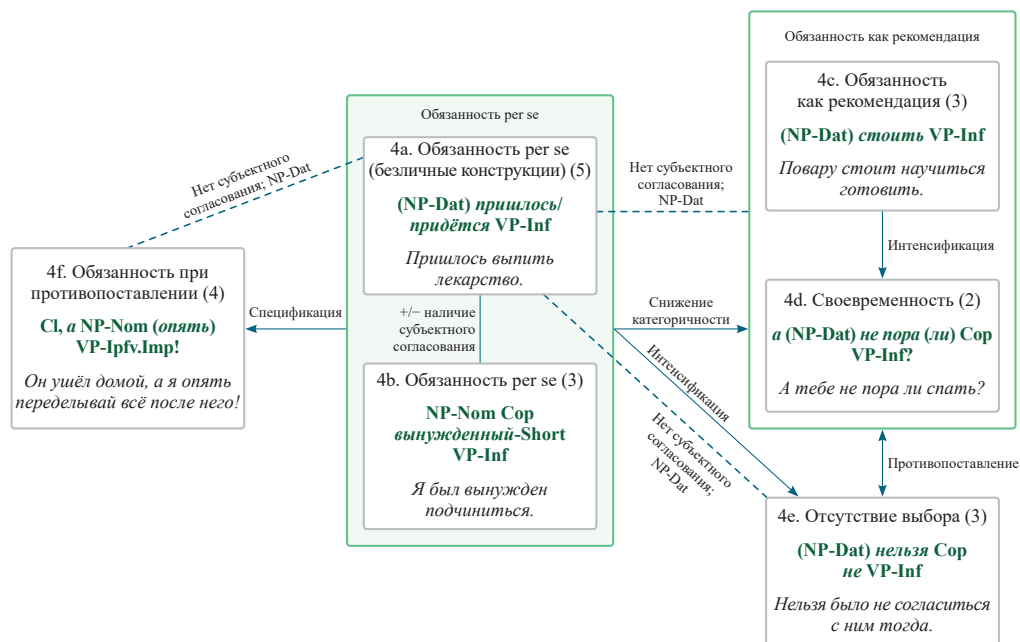

Рис. 5. Гнездо «Необходимость: внешняя»

¹⁶ Для данной конструкции семантический компонент контраста является факультативным, что отражено в толковании конструкции: «Конструкция обозначает, что некоторому участнику в будущем необходимо выполнить некоторое действие. Речь может идти о ближайшем будущем (примеры 1–2) или, реже, о более отдаленном (пример 3). Добавляя слово «ещё», говорящий намекает собеседнику на то, что текущую деятельность или беседу нужно прекратить, чтобы успеть выполнить необходимое действие (примеры 3–5)». Примеры, упоминаемые в толковании, доступны на сайте ресурса.

Заметим, что в большинстве конструкций этого гнезда (за исключением семьи 4б, которая противопоставлена семье 4а именно по синтаксическому принципу) отсутствует субъектное согласование, используются безличные глаголы или предикативы, при которых грамматично выражение субъекта только в дательном падеже. Это характерная морфосинтаксическая черта одной из центральных семей гнезда, свидетельствующая о сниженной степени контроля над ситуацией со стороны субъекта (ср. понятие «дефектной агентивности» в [Бонч-Осмоловская 2003]).

4.2. Сеть конструкций со значением эпистемической модальности

Эта сеть конструкций образована двумя крупными гнездами, семантически противопоставленными друг другу: «Уверенность» (High degree of certainty) и «Неуверенность» (Low degree of certainty). Первое гнездо включает 51 конструкцию, для которых мы разработали распределение по девяти семьям.

- 5а. «Абсолютная ясность и очевидность» (11 конструкций), включающая главным образом конструкции с вводными словами: **само собой (разумеется), С1** — *Само собой, мы придем на твой концерт*. Якорные части некоторых конструкций могут быть не полностью грамматикализованы в качестве вводного слова и также функционируют как матричная клауза, требующая при себе sententialного зависимого (ср. конструкцию **Можно не сомневаться, (что) С1**, которая иллюстрируется сложноподчиненным предложением *Можно не сомневаться, что он разбогател*, но также содержит в профиле примеры с обратным порядком частей, где якорный элемент выступает как вводное выражение: *Он следующий, можно не сомневаться*). Конструкции этого типа часто выражают решительное согласие при ответе на вопрос или реплику собеседника и служат источником для формирования дискурсивных формул (см. [Рахилина и др. 2021]).
- 5б. «Уверенность и готовность заключить спор» (четыре конструкции), в которую входят биклаузные конструкции, якорная (матричная) часть которых содержит упоминание спора: говорящий настолько уверен в сообщаемой информации, что был бы готов заключить спор на деньги (ср. **держу пари, (что) С1** — *Держу пари, что ты в него влюблена*) или отдать собеседнику ценный предмет (ср. **зуб даю, (что) С1** — *Зуб даю, что никто в комнату не заходил*).
- 5с. «Логический вывод» (восемь конструкций), в основном включающая конструкции с вводными словами, обозначающими, что предположение, которое высказывает говорящий, основывается на известных ему фактах или знании об устройстве мира: **должно быть, С1** — *Вы, должно быть, этого не знали*.
- 5д. «Уверенное предположение» (пять конструкций) — семья, семантически близкая к предыдущей, отличающаяся от нее тем, что якорные слова (как правило, вводные) в ней не содержат указания на набор фактов, на основе которых можно вывести предположение: **наверняка С1** — *Он наверняка не придет*.
- 5е. «Убеждение собеседника» (пять конструкций) — достаточно гетерогенная в синтаксическом отношении семья, которую отличает от предыдущих семей несколько бóльшая дискурсивная нагрузка. Конструкции этой семьи используются для воздействия на собеседника, вынуждают его согласиться с говорящим (ср. **С1, скажи/скажешь нет** — *Она красавица, скажи нет!*), действовать определенным образом (ср. **что/чего тут Сор VP-Inf?! — Что тут думать? Надо срочно покупать эту сумку!**) и т. д.
- 5ф. «Обещание/заверение» (восемь конструкций), включающая по большей части конструкции с вводными словами, которые служат для заверения собеседника в правдивости слов говорящего (ср. **С1, честное слово** — *Я не хотела вас обидеть, честное*

- слово!/) или для формулировки обещания или предупреждения (ср. **ей-богу**, **CI**, совмещающая оба значения: — *Да ладно, мам,* — *миролюбиво сказала Люда.* — *Разберёмся, ей-богу* [обещание] и *Я снова уволюсь, ей-богу!* [предупреждение]).
- 5g. «Уверенность в чьей-либо компетентности» (три конструкции), объединяющая биклаузные конструкции, в первой части которых называется участник, обладающий большими знаниями относительно обсуждаемого события или предмета: **NP-Dat Cop виднее, Sconj CI** — *Тебе виднее, что делать.*
- 5h. «Смягчающая формулировка» (пять конструкций), куда входят биклаузные конструкции, якорная часть которых обычно содержит глагол *знать* или *понимать*: **насколько PronPers-1 понимать, CI** — *Ты ещё не готов, насколько я понимаю.* Такие конструкции позволяют снизить категоричность высказывания говорящего и имеют значение ‘я считаю или утверждаю, что CI, но, возможно, это не так’¹⁷.
- 5i. «Удивление» (три конструкции), включающая вопросительные и восклицательные конструкции, выражающие удивление говорящего по поводу некоторой ситуации, которая казалась ему неправдоподобной (т. е. говорящий был уверен, что ситуация должна была сложиться противоположным образом): **неужели/неужто (не) VP?** — *Неужели он отказался помочь?*

Предлагаемая нами структура гнезда конструкций с семантическим тегом «Уверенность» представлена на рис. 6. Для этого гнезда оказалось затруднительным выделить единственную семью в качестве прототипа, поэтому для его адекватного отображения мы обратились к скалярному представлению. Центральное положение было отведено группе семей 5a–d (заклочены в зеленую рамку), формирующей шкалу с постепенным снижением

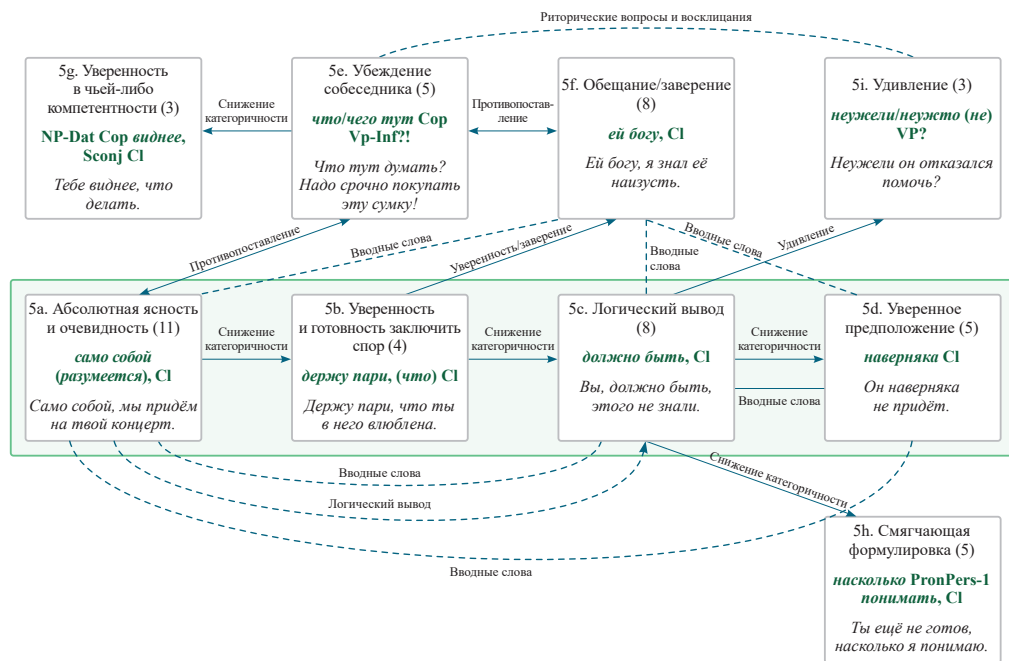

Рис. 6. Гнездо «Уверенность»

¹⁷ Данная семья может быть расширена за счет добавления биклаузных конструкций с якорными глаголами типа *думаю*, *полагаю* и др., служащих для выражения точки зрения говорящего (англ. *stance*), но отсутствующих в текущей версии РК.

категоричности высказывания. Если конструкции семьи 5а предполагают, что некоторое положение дел говорящий оценивает как предельно ясное и очевидное, не подлежащее сомнению, то предположение говорящего в 5b–d теоретически может быть подвергнуто сомнению, однако степень его уверенности достаточно высока (5d), дополнительно подкреплена фактами (5с) или даже готовностью заключить спор (5b). Синтаксическую основу трех из этих семей (кроме 5b) составляют якорные вводные слова, одна из конструкций в 5а так же, как и конструкции 5с, предполагает логический вывод (**ясно** *Сор одно: С1* — *Ясно одно: такая одежда дороже*, ср. фрагмент толкования: «Конструкция обозначает, что, по мнению говорящего, из предшествующей противоречивой или разнообразной информации с точностью можно сделать один (иногда единственный) верный вывод»).

В ходе анализа конструкций в составе этого гнезда мы выявили также более специфические дискурсивные стратегии, занимающие верхнюю часть схемы на рис. 6, где выражение уверенности является лишь частью функциональной нагрузки конструкций. Так, семья 5е противопоставлена семье 5а в отношении способа взаимодействия с собеседником: если 5а предполагает решительное согласие с собеседником, то 5е обычно выступает как возражение или принуждает собеседника изменить свою точку зрения в пользу говорящего. В этом смысле семья 5е содержит более «атакующие» дискурсивные стратегии по сравнению с 5f, где говорящий занимает, напротив, скорее оборонительную позицию, оправдывается перед собеседником, заверяя его в правдивости сообщаемого (значение этого типа обнаруживается также у конструкции **зуб даю, (что) С1** в семье 5b, ср. пример *Не был я там! Зуб даю, не был...*). Семья 5g выступает в качестве более конструктивного способа убедить собеседника — через апелляцию к некоторому «авторитету», т. е. человеку, более компетентному в определенном вопросе.

Семья 5h семантически близка к 5с, поскольку конструкции этой семьи выражают предположение, основанное на знании говорящего о некоторой ситуации, однако категоричность этого предположения намеренно снижена. К 5с близки также конструкции семьи 5i: эти конструкции обычно предполагают наличие у говорящего фоновых знаний о ситуации или ожиданий, которым противоречит утверждение или поведение собеседника. Структурно эта семья пересекается и с семьей 5е, которая также содержит риторические вопросы и восклицания.

Гнездо «Неуверенность» (Low degree of certainty) насчитывает 29 конструкций, которые мы объединили в семь семей.

- 6а. «Предположение *per se*» (пять конструкций), включающая главным образом конструкции с вводными словами (в частности, производными от глагола *мочь*), указывающие на то, что говорящий не имеет достаточных оснований, чтобы утверждать о некоторой ситуации, поэтому приводит один из возможных сценариев или объяснений ее развития: **может (быть), ХР/С1** — *Может быть, он уехал в Африку*.
- 6б. «Эпистемическая дистанция» (шесть конструкций), куда входят конструкции с частицами и вводными словами, многие из которых восходят к сравнительным маркерам (*вроде, будто* и др.): **вроде (как) ХР/С1** — *Он вроде как идет*. С помощью конструкций этого типа говорящий снижает категоричность своего высказывания, снимает с себя ответственность за сообщаемое (об эпистемической дистанции см. также [Plungian 2010])¹⁸.

¹⁸ Вопрос разграничения семей 5h и 6b является дискуссионным. На настоящий момент мы приняли решение, исходя из внутренней формы конструкций: если в 5h говорящий прямо апеллирует к собственным знаниям или логике (*насколько я знаю / понимаю*), считая их относительно надежным источником для вынесения суждения, то в 6b источником информации может выступать сам говорящий или третьи лица (пересказывательные употребления по [Летучий 2008]), что сближает эту группу с конструкциями семьи 6е. Во втором случае, кроме того, в качестве якорных слов используются преимущественно сравнительные маркеры (*вроде, будто* и др.), которые в своем первичном сравнительном употреблении вводят в рассмотрение некоторую ирреальную

- 6с. «Наличие альтернатив» (две конструкции), объединяющая конструкции с неоднородными повторяющимися союзами, которые позволяют говорящему привести несколько возможных интерпретаций ситуации: **не то ХР/СІ, не то ХР/СІ** — *Он пошел не то к себе на дачу, не то на станцию* и **то ли ХР/СІ, то ли ХР/СІ** — *Сегодня идет то ли дождь, то ли снег*.
- 6д. «Сомнение» (три конструкции), включающая конструкции с оценкой ситуации как маловероятной: **(на)вряд ли ХР/СІ** — *Вряд ли он придёт*.
- 6е. «Слухи» (четыре конструкции) — гетерогенная в синтаксическом отношении семья (включает конструкции с вводными словами и с сентенциальными актантами), конструкции которой сообщают о том, что информация была получена от третьих лиц: **ходит слух, что СІ** — *Ходят слухи, что лето будет жарким*.
- 6ф. «Отсутствие источника информации» (пять конструкций), в которую входят конструкции, задающие «пассивную» эпистемическую перспективу (в понимании [Яковлева 1988: 292]). Якорные части таких конструкций указывают на отказ говорящего от поиска какой-либо трактовки ситуации и ее причин: **(а) Noun-Nom/кто (же) (PronPers-3. Acc) знает, СІ** — *Кто его знает, почему она так поступила*. Большинство конструкций этой семьи содержат в ядре глагол *знать* (ср. **как знать, СІ; почему знать, СІ**).
- 6г. «Поиск подходящей номинации» (четыре конструкции), объединяющая метаязыковые конструкции, служащие для указания на неуверенность говорящего относительно наиболее точного наименования для некоторого объекта или его характеристики. Говорящий подбирает наиболее близкое к его точки зрения наименование, но сигнализирует собеседнику, что оно может не полностью соответствовать действительности: **как бы ХР** — *Спектакль как бы разбит на несколько частей*¹⁹.

На рис. 7 приводится структура гнезда конструкций с семантическим тегом «Неуверенность». В центре гнезда находится семья 6а, конструкции которой выражают нейтральное предположение об одном из возможных сценариев развития ситуации, который, впрочем, не оценивается говорящим как высоковероятный (в противовес конструкциям семьи 5d выше). Семьи 6б–с и 6е–f более явно сигнализируют о низкой степени уверенности говорящего в сообщаемом: говорящий оценивает имеющуюся у него информацию как недостаточную для вынесения однозначного суждения и потому либо снимает с себя ответственность за него (6б), либо предлагает собеседнику несколько возможных интерпретаций (6с). Потенциальная недостоверность информации может быть связана со спецификой источника, которым являются третьи лица (6е) или который вовсе отсутствует (отсюда отношение интенсификации между 6е и 6ф, где последняя семья представляет более «радикальную» эпистемическую стратегию) — в этом случае говорящий отказывается от какой бы то ни было интерпретации ситуации или поиска однозначного суждения (6ф). Некоторые конструкции семьи 6b также могут маркировать информацию, полученную от других людей, и имеют в числе прочих цитативную функцию (подробнее см. [Летучий 2008]). Семья 6d противопоставлена всем рассмотренным выше семьям, поскольку слот ХР/СІ или СІ в них оценивается, несмотря на неуверенность говорящего, скорее как возможный, тогда как в 6d слот ХР/СІ содержит информацию, которую говорящий считает скорее маловероятной. Семья 6г оказывается наиболее удаленной от центра радиальной категории, поскольку функционирует на метаязыковом уровне, когда говорящий оценивает

ситуацию. Использование этих маркеров дополнительно свидетельствует о том, что полной уверенности в существовании ситуации у говорящего нет.

¹⁹ Отметим, что конструкция **как бы ХР** не покрывает дискурсивные употребления, в которых *как бы* модифицирует всю клаузу целиком и служит для уменьшения значимости утверждения, ср. пример из [Летучий 2017: 201]: *Я как бы согласен, но ты постарайся получше выразить свою мысль*.

Неуверенность при передаче не полностью достоверной информации; источник — обычно говорящий

6б. Эпистемическая дистанция (6)
вроде (как) XP/CI
Он вроде как идёт.

6г. Поиск подходящей номинации (4)
как бы XP
Спектакль как бы разбит на несколько частей.

6в. Предположение per se (5)
может (быть), XP/CI
Может быть, он уехал в Африку.

6е. Слухи (4)
ходит слух, что CI
Ходят слухи, что лето будет жарким.

6с. Наличие альтернатив (2)
не то XP/CI, не то XP/CI
Он пошёл не то к себе на дачу, не то на станцию.

6д. Сомнение (3)
(на)вряд ли XP/CI
Вряд ли он придёт.

6ф. Отсутствие источника информации (5)
(а) Noun-Nom / кто (же) (PronPers-3.Acc) знает, CI
Кто его знает, почему она так поступила.

Источники — третьи лица

Вводные слова

Спецификация

Редуцирование

Спецификация

Спецификация

Спецификация

Противопоставление

Противопоставление

Конструкции с сентенциальными актантами

Интенсификация

Рис. 7. Гнездо «Неуверенность»

4.3. Объединение сетей конструкций, выражающих центральные модальные значения

В рамках текущего исследования было важно определить, каким образом получившееся представление можно соотносить с анализом семантической зоны модальности как радиальной структуры. Для этого мы обратились к анализу семантики модальных выражений в концепции *force dynamics* (см. [Talmy 1985]). Согласно этому подходу, в семантике модальных глаголов заложен компонент силы (*potency*), способной вызывать ситуацию, выраженную зависимыми этих глаголов. В случае динамических употреблений источником этой силы является первый аргумент (субъект) модального глагола, обладающий соответствующими способностями или желанием осуществить ситуацию, и именно субъект и его потенции оказываются в фокусе внимания. В деонтических конструкциях субъект модального предиката перестает быть источником силы, однако сама по себе сила модального предиката все еще остается в фокусе, поскольку деонтические употребления направлены на приближение реализации зависимой ситуации: говорящий (или иной источник силы) имплицитно каузирует выполнение действия субъектом (при должновествовании) или не препятствует ему (при разрешении). Соответственно, в сети «*Root modality*» более прототипическими гнездами являются «Возможность» и «Необходимость: внутренняя».

конструкции в которых выражают динамические модальные значения и наиболее тесно связаны с субъектом.

В эпистемических конструкциях на передний план выдвигается уже не значение модального выражения, а сама ситуация, на реализацию которой субъект уже никак не влияет. Выбор модального выражения той или иной силы определяется личным опытом говорящего, и в этом смысле эпистемические модальные конструкции наиболее субъективны. На рис. 8 горизонтальной стрелкой схематически показано постепенное усиление субъективности и смещение фокуса с объекта концептуализации (модальное выражение определенной силы и его аргументы, которые способны осуществить ситуацию по собственному желанию или под давлением внешнего источника) на субъекта концептуализации (выбор модального выражения определяется не свойствами участников ситуации, о которой идет речь, а знаниями говорящего; модальное выражение при этом существует максимально автономно, не приближая реализацию ситуации). Таким образом, при установлении отношения между сетями конструкций необходимо учитывать компонент скалярности, в данном случае связанный с введением шкалы субъективности, вдоль которой выстраиваются неэпистемические и эпистемические модальные конструкции.

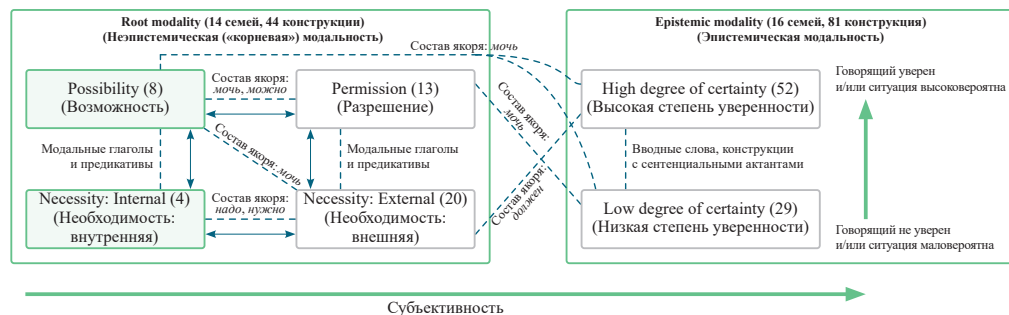

Рис. 8. Сети конструкций «Неэпистемическая модальность» и «Эпистемическая модальность»

В получившейся структуре не только две сети конструкций организованы вдоль шкалы субъективности, но и гнезда внутри сети «Эпистемическая модальность» организованы вдоль эпистемической шкалы (ср. понятие «epistemic scale» в [Boye 2016]). Гнезда в этой сети весьма условно обозначены через высокую и низкую степень уверенности, однако на деле входящие в них семьи конструкций образуют континуум, что не позволяет постулировать более центральное положение для какого-то из гнезд. На эпистемической шкале, изображенной вертикальной стрелкой, крайние точки соответствуют максимальной (минимальной) степени уверенности говорящего в сообщаемом и/или высокой (низкой) вероятности ситуации. Ситуации, которые говорящий с уверенностью оценивает как маловероятные, мы также относим к нижней точке шкалы (примером может служить семья 6d со значением сомнения). Для уточнения положения отдельных семей на шкале и степени их удаленности от крайних точек в перспективе представляется необходимым экспериментальное исследование, где испытуемым предлагалось бы оценить степень уверенности по десятибалльной шкале. Это позволило бы проверить, в числе прочего, насколько оправдан наш подход с точки зрения внутренней формы к конструкциям семей 5h и 6b, выражающим эпистемическую дистанцию.

Между сетями конструкций обнаруживаются структурные пересечения, основанные на центральных якорных элементах: модальном глаголе *можно* и предикативах *можно, должен, надо, нужно* (см. обозначения пунктирными линиями на рис. 8). Глагол *можно* фиксируется не только во всем ряду конструкций возможности (от динамических до эпистемических), но и в гнездах конструкций со значением внешней необходимости (семья 4e

«Отсутствие выбора»: **NP-Nom не мочь не VP-Inf**— *Не могу не согласиться*) и высокой степени уверенности (семья 5i «Удивление»: **Не может быть (такого), чтобы CI**— *Не может быть, чтобы вы ещё не посетили эту выставку!*). Значение необходимости достигается при взаимодействии глагола с отрицанием (двойным отрицанием в случае семьи 4е). Якорный предикатив *должен* и выражаемое им значение необходимости коррелирует с высокой степенью уверенности (ср. конструкцию **должно быть, CI** со значением логического вывода).

Наконец, разработанная нами структура наглядно демонстрирует, что в синтаксическом отношении рассматриваемые сети конструкций практически не пересекаются: основными синтаксическими паттернами сети «Неэпистемическая модальность» являются модальные глаголы, предикативы и условные конструкции, специфичные для гнезда «Разрешение», тогда как сеть «Эпистемическая модальность» в основном содержит конструкции с вводными словами или биклаузные структуры с матричным предикатом (часто находящемся на пути грамматикализации к вводному слову). Это хорошо соотносится с идеей о субъективности эпистемических модальных выражений: поскольку часто они модифицируют клаузу целиком, содержание этой клаузы и возможность реализации описываемой в ней ситуации не зависят от силы модального выражения. Высокая степень субъективности, предположительно, коррелирует и со значительным превосходством эпистемических конструкций над неэпистемическими в количественном отношении (81 конструкция против 44).

5. Заключение

Вопрос о том, каким образом в языковой системе связаны между собой отдельные конструкции и их группы, на настоящий момент особенно актуален для Грамматики конструкций и конструктикографии. В данной статье мы обратились к этому вопросу с позиций конкретной семантической зоны (модальности) и предложили структурное представление ее центрального фрагмента, включающего неэпистемические (динамические и деонтические) и эпистемические модальные значения. Материалом для исследования послужили 124 модальных конструкции, собранных в ресурсе «Русский конструктикон».

При формировании общей структуры была применена методология, предложенная в немногочисленных предшествующих исследованиях структуры частных семантических полей (сетей оценочных, прохибитивных и сравнительных конструкций русского языка). В основе этой методологии лежит таксономический подход, предполагающий выделение различных по объему групп конструкций (семей, гнезд и сетей) и установление концептуальных связей между ними. Подход к анализу модальности с позиций конструктикографии и решение задачи системной репрезентации конструкций в этой семантической зоне представляет интерес для общей теории модальности и дополняет существующие типологические наработки сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, использование конструкции в качестве базовой единицы описания позволяет выявлять характерные паттерны выражения модальных значений, отличные от отдельных модальных глаголов, которые чаще всего отражаются в грамматических описаниях и конкретноязыковых исследованиях модальности. В качестве примера можно привести конструкции с редупликацией, имеющие семантику неуверенности (ср. **не то XP/CI, не то XP/CI**), или конструкции с «легкими» глаголами, имеющими ослабленное первичное значение, в зоне деонтической необходимости (ср. **(NP-Dat) стоит VP-Inf; (NP-Dat) не мешало бы / не мешает VP-Pfv.Inf** и др.).

Во-вторых, работа по формированию семей конструкций дает возможность обратить внимание на частные пути грамматикализации для якорных слов в этом семантическом поле: например, на матричные предикаты в качестве источников грамматикализации в эпистемических конструкциях или сравнительные маркеры в функции показателей

«эпистемической дистанции». Эти сюжеты могли бы лечь в основу последующих частно-языковых или сопоставительных исследований конструкций. Кроме того, проведенный нами анализ семей конструкций помогает в определении наиболее характерных стратегий морфосинтаксического оформления того или иного модального значения, в том числе для значений, обычно не обсуждаемых в типологических работах (ср. выделенные нами в отдельную семью условные конструкции запроса на разрешение).

В-третьих, анализ более крупных объединений конструкций (гнезд и сетей) дает представление о наиболее характерных для них синтаксических паттернах (в частности, синтаксические стратегии смежных полей могут практически не пересекаться, ср. выявленное нами различие в доминирующих синтаксических паттернах для неэпистемических и эпистемических модальных значений в русском языке). Анализ данных «Русского конструктикона» в терминах гнезд и сетей также делает более явным количественное соотношение между элементами этой таксономии: так, конструкций с эпистемическим значением насчитывается почти вдвое больше, чем с неэпистемическим (81 и 44), что позволяет выдвинуть предположение о том, что более субъективное имеет тенденцию к более дробной репрезентации в языке. Внутри неэпистемического домена наиболее узко представлены конструкции с динамическим модальным значением возможности (восемь конструкций) и внутренней необходимости (четыре конструкции); деонтические модальные значения представлены более широко (13 конструкций с семантикой разрешения и 20 конструкций, выражающих внешнюю необходимость).

Наконец, выявление семей конструкций и формирование на их основе более сложных структур на материале модальных конструкций показало недостаточность подхода к представлению последних как радиальных структур. Если неэпистемические модальные значения достаточно хорошо профилируются через радиальные категории, то для эпистемических конструкций необходимо дополнение этого представления введением скалярной структуры — эпистемической шкалы, что представляется для этой зоны более когнитивно значимым (ср. также значимость скалярной репрезентации для семантической зоны интенсивности в [Zhukova 2021]). Различные семьи конструкций могут занимать более или менее удаленное положение от полюсов этой шкалы, и экспериментальное исследование этого расположения видится перспективным направлением для дальнейшей работы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
 Acc — винительный падеж
 Adj — прилагательное
 Cl — клауза
 Cop — глагол-связка
 Dat — дательный падеж
 Gen — родительный падеж
 Imp — императив
 Inf — инфинитив
 Ins — творительный падеж
 Ipfv — несовершенный вид
 Loc — предложный падеж

Nom — именительный падеж
 NP — именная группа
 NumCrd — количественное числительное
 Pfv — совершенный вид
 Pl — множественное число
 PronPers — личное местоимение
 Pst — прошедшее время
 Sconj — подчинительный союз
 Short — краткая форма прилагательного
 VP — глагольная группа
 XP — любая синтаксическая группа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко (ред.) 1990 — Бондарко А. В. (ред.). *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л.: Наука, 1990. [Bondarko A. V. (ed.). *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka, 1990.]

- Бонч-Осмоловская 2003 — Бонч-Осмоловская А. А. *Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2003. [Bonch-Osmolovskaya A. A. *Konstruktsii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke: opyt korpusnogo issledovaniya* [Constructions with dative subject in Russian: A corpus study]. Candidate diss. Lomonosov Moscow State Univ., 2003.]
- Булыгина, Шмелев 1993 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт. *Логический анализ языка: Ментальные действия*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (отв. ред.). М.: Индрик, 1993, 78–82. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. Hypothesis as a cognitive and verbal act. *Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya*. Arutyunova N. D., Ryabtseva N. K. (eds.). Moscow: Indrik, 1993, 78–82.]
- Виноградов 1975 — Виноградов В. В. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. М.: Наука, 1975. [Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies in Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Добровольский, Зализняк 2020 — Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 3(25): 35–48. [Dobrovolskij D. O., Zalizniak Anna A. Russian constructions with potentially modal meanings: An analysis based on parallel corpus data. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, 3(25): 35–48.]
- Добрушина 2006 — Добрушина Н. Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения. *Вопросы языкознания*, 2006, 2: 28–67. [Dobrushina N. R. Grammatical forms and constructions with the meaning of fear and caution. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 2: 28–67.]
- Кобозева, Лауфер 1991 — Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования. *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 169–174. [Kobozeva I. M., Laufer N. I. Semantics of modal predicates of obligation. *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty*. Arutyunova N. D. (ed.) Moscow: Nauka, 1991, 169–174.]
- Летуций 2008 — Летуций А. Б. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность [Letuchiy A. B. Comparative constructions, irrealis, and evidentiality]. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiemer B., Plungian V. A. (Hrsg.). München: Sagner, 2008, 215–238.
- Летуций 2017 — Летуций А. Б. Сравнительные конструкции. *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Вып. II: *Синтаксические конструкции и грамматические категории*. Плуниан В. А., Стойнова Н. М. (отв. ред.). М.: ИРЯ РАН, 2017, 132–204. [Letuchiy A. B. Comparative constructions. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka*. No. 2: *Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii*. Plungian V. A., Stoinova N. M. (eds.). Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2017, 132–204.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <https://ruscorpora.ru>
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Модальность. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2016. [Paducheva E. V. Modality. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2016.] <http://rusgram.ru/Модальность>
- Петрова 2007 — Петрова М. А. *Типы немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. [Petrova M. A. *Tipy nemodal'nykh znachenii modal'nykh predikatov (na materiale slavyanskikh i germanskikh yazykov)* [Types of non-modal meanings of modal predicates, based on Slavic and Germanic data]. Candidate diss. Moscow: Institute of Linguistics, 2007.]
- Плуниан 2008 — Плуниан В. А. О показателях чужой речи и недоверности в русском языке: *mol, jakoby* и другие [Plungian V. A. On Russian markers of reported speech and uncertainty: *mol, jakoby*, and others]. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiemer B., Plungian V. A. (Hrsg.). München: Sagner, 2008, 285–311.
- Плуниан 2011 — Плуниан В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Рахилина 2013 — Рахилина Е. В. Кондуктор, нажми на тормоза... *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2013, 12(19): 665–673. [Rakhilina E. V. Conductor, press the brakes... *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2013, 12(19): 665–673.]
- Рахилина и др. 2021 — Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 7–27. [Rakhilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 7–27.]
- Храковский 2007 — Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 600–632. [Xrakovskij V. S. Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity.

- Evidentials 'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati N. A. Kozintsevoi.* Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632.]
- Эндресен и др. 2020 — Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2020, 19(26): 226–241. [Endresen A. A., Zhukova V. A., Mordashova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. The Russian Constructicon: A new linguistic resource, its design and key characteristics. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2020, 19(26): 226–241.]
- Яковлева 1988 — Яковлева Е. С. Согласование модусных характеристик в высказывании. *Прагматика и проблемы интенциональности*. Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). М.: Ин-т языкознания РАН, 1988, 278–302. [Yakovleva E. S. Agreement of modal characteristics in an utterance. *Pragmatika i problema intensional'nosti*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Institute of Linguistics, 1988, 278–302.]
- Achard 1998 — Achard M. *Representation of cognitive structures: Syntax and semantics of French sentential complements*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Anderson 1986 — Anderson L. B. Evidentials, paths of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds.). Norwood (NJ): Ablex Publishing, 1986, 273–312.
- Bast et al. 2021 — Bast R., Endresen A., Janda L. A., Lund M., Lyashevskaya O., Mordashova D., Nessel T., Rakhilina E., Tiers F. M., Zhukova V. *The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions*, 2021. <https://constructicon.github.io/russian/>
- Boogaart 2009 — Boogaart R. Semantics and pragmatics in construction grammar: The case of modal verbs. *Contexts and constructions*. Bergs A., Diewald G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 213–241.
- Boogaart, Fortuin 2016 — Boogaart R., Fortuin E. Modality and mood in cognitive linguistics and construction grammars. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 514–534.
- Boye 2001 — Boye K. The force-dynamic core meaning of Danish modal verbs. *Acta Linguistica Hafniensia*, 2001, 33: 19–66.
- Boye 2005 — Boye K. Modality and the concept of force-dynamic potential. *Modality: Studies in form and function*. Klinge A., Müller H. H. (eds.). London: Equinox, 2005, 49–80.
- Boye 2016 — Boye K. The expression of epistemic modality. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 117–140.
- Bybee 1985 — Bybee J. L. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Coates 1983 — Coates J. *The semantics of the modal auxiliaries*. London: Croom Helm, 1983.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar. Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Diessel 2004 — Diessel H. *The acquisition of complex sentences*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Diewald 2006 — Diewald G. Context types in grammaticalization as constructions. *Constructions*, 2006, Special vol. 1: *Constructions all over: Case studies and theoretical implications*. Schönefeld D. (ed.). <https://doi.org/10.24338/cons-443>
- Ehrlemaek et al. 2016 — Ehrlemaek A., Johansson R., Lyngfelt B. Retrieving occurrences of grammatical constructions. *Proc. of COLING 2016, the 26th International Conf. on Computational Linguistics: Technical papers*. Matsumoto Y., Prasad R. (eds.). Osaka: The COLING 2016 Organizing Committee, 2016, 815–824.
- Endresen, Janda 2020 — Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar one step further: Families, clusters, and networks of evaluative constructions in Russian. *Defining construction: Insights into the emergence and generation of linguistic representations* (special issue of *Frontiers in Psychology*). Putnam M., Carlson M., Fábregas A., Wittenberg E. (eds.). Lausanne: Frontiers Media SA, 2020, 1–22.
- Endresen et al., to appear — Endresen A., Janda L. A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. Turning a list into a network via family-based expansion of the Russian Constructicon. *Constructing constructicons*. Ziem A. et al. (eds.). To appear.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone*. *Language*, 1988, 64(3): 501–538.
- Fillmore 2008 — Fillmore C. J. Border conflicts: FrameNet meets Construction Grammar. *Proc. of the XIII EURALEX International Congress*. Bernal E., DeCesaris J. (eds.). Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2008, 49–68.
- Fillmore et al. 2012 — Fillmore C. J., Lee-Goldman R., Rhodes R. The FrameNet constructicon. *Sign-Based Construction Grammar*. Boas H. C., Sag I. A. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2012, 309–372.

- Fortuin 2005 — Fortuin E. From possibility to necessity: The semantic spectrum of the dative-infinitive construction in Russian. *Modality in Slavonic languages: New perspectives*. Hansen B., Karlik P. (eds.). München: Otto Sagner, 2005, 39–60.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. *Constructions at work. The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- de Haan 2006 — de Haan F. Typological approaches to modality. *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006, 27–69.
- Hengeveld 1989 — Hengeveld K. Layers and operators in Functional Grammar. *Journal of Linguistics*, 1989, 25: 127–157.
- Hilpert 2014 — Hilpert M. *Construction Grammar and its application to English*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2014.
- Hofmann 1976 — Hofmann T. R. Past tense replacement and the modal system. *Syntax and semantics*. Vol. 7: *Notes from the linguistic underground*. McCawley J. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 85–100.
- Janda et al. 2018 — Janda L. A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tiers F. M. A construction for Russian: Filling in the gaps. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 165–181.
- Janda et al. 2020 — Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. How to build a construction in five years: The Russian example. *Squibs in Construction Grammar*, Brisard F., Coleman T., De Wit A., Enghels R., Koutsoukos N., Mortelmans T., Sansiñena M. S. (eds.). Thematic issue of *Belgian Journal of Linguistics*, 2020, 34: 161–173.
- Janda et al., to appear — Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent classification based on the large-scale Russian constructicon. To appear in *Constructions and Frames*.
- Kratzer 1981 — Kratzer A. The notional category of modality. *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics*. Eikmeyer H.-J., Rieser H. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 1981, 38–74.
- Kratzer 1991 — Kratzer A. Modality. *Semantik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1991, 639–650.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, fire and dangerous things*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Langacker 2008 — Langacker R. W. *Cognitive Grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Lewandowska-Tomaszczyk 2007 — Lewandowska-Tomaszczyk B. Polysemy, prototypes and radial categories. *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 139–169.
- Lyngfelt et al. (eds.) 2018 — Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T. (eds.). *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.
- Mordashova 2021 — Mordashova D. Comparative constructions in the Russian Constructicon: Families and clusters. A talk given at the Slavic Cognitive Linguistics Conf. (SCLC-2020/2021), June 3, 2021.
- Nuyts 2016 — Nuyts J. Analyses of the modal meanings. *The Oxford handbook of modality and mood*. Nuyts J., van der Auwera J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016, 31–49.
- Nuyts, van der Auwera (eds.) 2016 — Nuyts J., van der Auwera J. (eds.) *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Palmer 1986/2001 — Palmer F. R. *Mood and modality*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Plungian 2010 — Plungian V. A. Types of verbal evidentiality marking: An overview. *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Diewald G., Smirnova E. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010, 15–58.
- Portner 2009 — Portner P. *Modality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Talmy 1985 — Talmy L. Force dynamics in language and thought. *Papers from the Parasession on Causatives and Agentivity at the 21st Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Eilfort W. H., Kroeber P. D., Peterson K. L. (eds.). Chicago: Chicago Linguistics Society, 1985, 293–337.
- Tomasello 2003 — Tomasello M. *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 2003.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 2(1): 79–124.
- von Fintel, Iatridou 2008 — von Fintel K., Iatridou S. How to say *ought* in foreign: The composition of weak necessity modals. *Time and modality*. Guéron J., Lecarme J. (eds.). Dordrecht: Springer, 2008, 115–141.
- Winter, Gärdenfors 1995 — Winter S., Gärdenfors P. Linguistic modality as expressions of social power. *Nordic Journal of Linguistics*, 1995, 18(2): 137–165. <https://doi.org/10.1017/S0332586500000147>
- Zhukova 2021 — Zhukova V. Constructions denoting degree of intensity in the Russian Constructicon. A talk given at the Slavic Cognitive Linguistics Conference (SCLC-2020/2021), June 3, 2021.